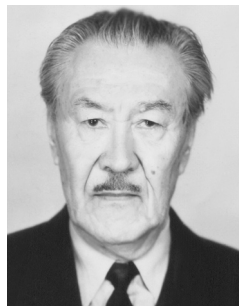

Куандык Шангитбаев

КАК БЫЛ ИЗДАН РОМАН «АБАЙ»¹

В 1941 году после летних каникул в Актюбинске я вернулся в Алма-Ату – продолжить учебу на втором курсе филологического факультета КазГУ. «Тебя вызывают в цекамол²», – объявил мне декан и назвал фамилию человека, к которому я должен был явиться.

Центральный комитет комсомола Казахстана находился тогда в двухэтажном доме на углу нынешних улиц Айтеке би и 8 Марта³. Девушка отвела меня в кабинет секретаря ЦК Шакарима Оржанова (ныне покойного). Худощавый, светлицый, он встретил меня приветливо. В то время в КазОГИЗе (Казахском объединенном государственном издательстве) вышел учебник казахского языка для третьих-четвертых классов, написанный мной совместно с преподавателем университета Мауленом Балакаевым, ныне⁴ членом-корреспондентом Академии наук Казахстана. Должно быть, именно поэтому Оржанов в завершение нашей долгой беседы поручил мне написать обзор о том, как освещается в Актюбинской областной газете работа комсомола в военную пору.

Через пару дней я отнес ему готовый материал. Прошло еще недели полторы, и Шаке снова вызвал меня.

– Все уже решено, айналайын. Отправляйся сейчас в КазОГИЗ, встретишься там с главным редактором Бейсембаем Кенжебаевым – он сам тебе все разъяснит, – и, проводив до самых дверей, Шаке крепко пожал мне руку.

Я недоумевал. Идти к незнакомому человеку, неизвестно зачем?.. Книга уже выпущена. Что за дело ждет меня в издательстве?

В Алма-Ате валил снег. На мне было куцее стеганое пальтишко, сшитое мамой в позапрошлом году. Фасон его, хоть убей, ни на каплю не соответствовал столичной моде. Что тут поделаешь, пришлось выпросить «напрокат» у Кали Дабылова (родственника, учившегося в КазПИ) его серое суконное пальто – в нем и отправился в издательство.

Весь штат КазОГИЗа из десятка сотрудников размещался в одной большой комнате, а директор и главный редактор – в кабинете поменьше. Всего-то две

¹ Воспоминания были опубликованы в газете «Егемен Қазақстан» 21 августа 1992 г. Во время описываемых событий Куандыку Шангитбаеву было 16 лет.

² Так называли в обиходе Центральный комитет комсомола.

³ Ныне улица Шамши Калдаякова.

⁴ М. Балакаев скончался в 1995 году, после выхода в свет этих воспоминаний.

комнаты. Приоткрыв дверь, я нерешительно заглянул в кабинет главреда: в тесной комнатухе сидел мужчина – белокожий, с небольшими глазами, стриженный под ежик и одетый как все демобилизованные.

Он кивнул мне с улыбкой:

– Заходи-заходи. К Кенжебаеву пришел? Это я. А ты, наверное, Шангитбаев?

И когда он произнес мое имя, на душе у меня почему-то потеплело.

Разговор наш не затянулся. Каких-то пятнадцать минут – и вот я уже редактор одного-единственного на всю республику издательства. Это был декабрь 1941 года. Как раз в ту пору наш филфак присоединили к факультету языка и литературы КазПИ. Так, будучи студентом, я приступил к работе. Кстати, попутно поясню. Многие из нынешних издательств Алматы («Жазушы», «Қазақстан», «Қайнар» и др.) в свое время отделились от КазОГИЗа, все они вышли из-под его шанырака. А в числе литераторов, основавших его, были Бейсембай Кенжебаев, Абу Сарсенбаев, Газиз Оспанов, а также я.

Во время нашей беседы с Бейсембаем Кенжебаевым в комнату вошел молодой человек с пышной кудрявой шевелюрой.

– Абу Сарсенбаев, – представил его Кенжебаев. – Твой начальник. Возглавляет у нас отдел литературы.

– Ну что ж, милый, идем-ка со мной, – и мой новый начальник (причем первый в моей жизни) повел меня в ту самую комнату, полную народу.

– Будешь сидеть вот здесь, – указал он на свободное место рядом со своим столом.

Я сел за свой первый рабочий стол. Все разглядывали меня, как и я – всех. За одним из двух столов прямо напротив меня сидела женщина с темно-каштановыми волосами, со следами былой красоты на бледном лице. После я полюбил ее как сестру – Нагиму Арыкову, некогда прославившуюся своей общественной деятельностью. Ее сосед – сидевший ближе к двери молодой человек в очках, подтянутый, с такой же благородной внешностью – Раимжан Букейханов, впоследствии тоже стал для меня родным человеком. Внучатый младший брат Алихана – славного сына алаша, он руководил отделом учебной литературы.

На западе страны шла кровопролитная бойня. Мужчины все поголовно ушли на фронт. На алма-атинских улицах – одни старушки, женщины да детвора. В далеком Карабутаке остались обе мои матери (у отца было две жены), сестренки Амина и Алима, и я переживал за них: каково им там? На новом месте поначалу мне приходилось трудно. Боясь допустить оплошность, я робел, всех стеснялся. Хотя, впрочем, работа моя складывалась неплохо.

Как-то раз главный редактор, заглянув в нашу комнату, поманил меня:

– Ты здесь? Зайди-ка ко мне.

Я прошел в его кабинет.

– В издательском портфеле с прошлого года числится вот этот роман, – хлопал он по лежащей перед ним пухлой рукописи. – Роман Мухтара Ауэзова «Абай». Все никак не издадим его, по разным причинам (*По каким – уточнять не стал. – К. Ш.*). Редактором был Курманбек Сагындыков. Он ушел на фронт. Давай-ка возьми за эту рукопись. Стилистическую правку ты, пожалуй, не осилишь. Сам понимаешь, тебе это вряд ли по плечу. А вот с грамматическими ошибками будь внимателен, – наказал Бейсакан.

Раззадоренный им, я загорелся и с пылом принялся за дело. Добросовестно потрудившись над орфографией и пунктуацией, спустя неделю положил рукопись перед главным редактором.

Надо ли говорить, какой школой были для меня, желторотого тогда провинциального юнца, ежедневные многочасовые беседы с такими зрелыми литераторами, как Бейсембай Кенжебаев, Абу Сарсенбаев, с пришедшим позднее в издательство в качестве редактора Габдолом Слановым? Несомненно, их умные речи, тонкий юмор, деликатность и учтивость не могли не оказать благодатного влияния на несмышленного юного человека, жизнь которого еще только начиналась. Время же, проведенное вместе с Мухтаром-ага над его романом «Абай», было поистине бесценным. Речи его – за рабочим ли столом, за дастарханом ли – были для меня наравне с лекциями в стенах университета. Это была бездна знаний, столько мудрости в суждениях, и удивительная глубина умозаключений!

В годы войны Алма-Ату наводнили беженцы с западных регионов страны. Найти жилье, хотя бы место для ночлега, стало невозможно. И в этих стесненных для меня обстоятельствах они, мои старшие братья, зывали меня, шестнадцатилетнего мальчишку, к себе домой, кормили вместе со своими детьми, оставляли на ночлег. По сей день помню, как перезимовал тогда в одной комнате с четырьмя детьми Абу Сарсенбаева. А сын и дочь Бейсембая Кенжебаева – Шынгыс и Шолпан – стали для меня как братишка с сестренкой.

В военную пору книги в нашем издательстве зачастую выпускались в режиме «молния». Материалы, передававшиеся из Москвы, надо было успеть перевести на казахский, в тот же день набрать текст в типографии, отпечатать, а наутро с рассветом выдать в виде брошюры.

Однажды Бейсакан спросил у меня:

– Паспорт у тебя с собой? Ну вот и хорошо. К назначенному часу пойдем к Абдыхалыкову.

Мухамеджан Абдыхалыков в то время был секретарем по пропаганде и агитации Центрального Комитета Компартии Казахстана. Понятий «партократия», «автократия», «тоталитаризм» в то время у меня и в мыслях не было. Сверху давали указание, мы послушно кивали головой и засучив рукава принимались за исполнение. В первые годы войны я не встречал ни одного человека из числа алма-атинской интеллигенции, кто бы не боялся Абдыхалыкова, кто бы не вздрагивал при одном его имени. Так и я – от замешательства даже не переспросил у Бейсакана: зачем?

Было вечернее время. Миновав череду проверок, мы вошли в один из кабинетов Центрального Комитета – все уже были в сборе. Во главе стола восседал мужчина лет тридцати с грубоватыми манерами и прыщавым лицом. Запомнилось мрачное выражение лица, ни намек на благожелательность во взгляде, сурово сдвинутые брови.

Все пришедшие оказались сплошь известными журналистами. А вот в связи с чем нас собрали – в памяти не отложилось. То ли это был доклад Сталина, то ли очередная его речь, – словом, предстояло обсудить и, если нужно, выправить перевод на казахский язык текста, полученного по телеграфу. Зато хорошо помню впечатление, которое произвели на меня меткие замечания и предложения Ахмета Елшибекова – журналиста и переводчика, чье имя тогда было у всех на устах. Абдыхалыков же то и дело обрывал Ахана, принимался кого-то высмеивать. Но и тогда даже подобие улыбки так и не пробежало по лицу этого деятеля.

Глубоко за полночь мы наконец отредактировали перевод – вплоть до каждой точки. Один его экземпляр Абдыхалыков вручил представителю газеты «Социалистік Қазақстан», второй – нам, пришедшим от КазОГИЗа.

– Это – «молния», до утра чтоб отпечатали. Ну а если хоть одна ошибка проскочит... – и, не завершив фразы, он просверлил нас глазами.

И вот мы с Бейсаканом, выйдя из ЦК, двинулись напрямиком в 4-ю типографию. То, что он рассказал мне по пути, еще долго не выходило у меня из головы. В том возрасте я наивно полагал, что партию и советское правительство в стране и республике возглавляют кристально честные, абсолютно безупречные, ни в чем непогрешимые люди. Бейсакан же совершенно иначе охарактеризовал человека, которого мы только что лицезрели.

– ...Такой никого не пощадит, – подытожил он свой рассказ. – Так что смотри в оба, сынок, читай внимательно. За одну-единственную букровку он нас обоих погубит, с него станется. – Бейсакан задумался и, помолчав немного, добавил: – А о том, что роман Мухтара уже в типографии, – никому ни слова. Уж кого-кого, а завистников и кляузников у нас, у казахов, хватает. Книга эта, пожалуй, много шума наделает. Надо бы нам поскорей, пока никто не прознал, издать ее.

В типографии мы пробыли до самого утра. Нам приносили гранки, мы по очереди вычитывали их и тут же возвращали. Потом принесли подписную корректуру – вычитали и ее, выправили ошибки и вернули печатникам. Затем пришел сигнальный экземпляр – с ним проделали то же самое.

Рабочий наш стол стоял тут же, в типографии. Против дверей – диван. Прямо над нами – ослепительно яркая лампа. В перерывах Бейсакан пристраивался передохнуть на диване, иногда он принимался петь тонким голосом любимые песни. Репертуар у него был коротенький. По большей части это были песни Асета. С особым чувством выводил он припев: «О, если б, как Козы Корпеш с Баян, мы вместе встретили бы смерть...». Мне, выросшему в богом забытом далеком актюбинском ауле, ни песня эта, ни ее автор были неведомы. Бейсакан обстоятельно рассказал мне про Асета, про его судьбу и печальную кончину на земле Китая.

О одну из таких передышек Бейсакан вынул из портфеля, с которым никогда не расставался, книгу в ярко-зеленом коленкоровом переплете. Это оказался «Рубайат» Омара Хайяма, в переводе Румера на русский язык. О Хайяме тоже я услышал тогда впервые. Принялся было читать – и ушел с головой в волшебный чарующий мир, утонул в бездонной пучине, водоворотом затянувшей в себя. Бейсакан, немало просветив меня и о Хайяме, великодушно подытожил:

– Ну ладно, забирай себе эту книгу. После переведешь ее на казахский и покажешь нам с Абу. Переведешь достойно – издадим.

Конечно, я не приступил к этому делу сходу. Но через двадцать три года казахи, впервые встретившись с гением Омара посредством моего перевода, приняли его с большим почтением и благодарностью. И за это я в вечном долгу перед моим наставником Бейсембаем Кенжебаевым.

К восходу солнца «молния» была отпечатана – мы уложились в срок. И в речи «вождя народов» не допустили ни единой, до запятой, ошибки.

Работа в издательстве шла своим чередом. Наступил и 1942-й год. Бои на фронте ужесточились, особенно – на Сталинградском направлении. Изредка я получал письма из дому, от родных, однако помочь им хоть чем-то не имел воз-

можности. Цены на алма-атинском базаре взлетели до астрономических, поесть досыта стало пределом мечтаний. Жить мне тоже было негде. Все лето ночевал в издательстве, составив в ряд четыре стула.

В один из дней принесли уже отпечатанную и переплетенную книгу Мухтарага. Редакторы, толпившиеся в комнате, передавали «Абая» из рук в руки, вертели его, рассматривали со всех сторон, щупали, поглаживали. Наибольший интерес вызывал портрет писателя на титульном листе книги, выполненный эвакуированным из Москвы татарским художником Баки Урманче. Автор сам выбрал из множества работ этот карандашный портрет Баки. Я стоял рядышком – гордый и счастливый, как если б вышла моя собственная книга. Радости моей не было предела еще и потому, что знал: весь тираж печатается полным ходом.

В тот самый момент Бейсакан и подозвал меня:

– Пойдем-ка отнесем Ауэзову один экземпляр книги.

Мухан в то время лежал в больнице Совета народных комиссаров. Пришли, а нас не пускают: то ли карантин, то ли еще какая напасть. Тогда мы попросили передать Ауэзову, чтобы он вышел на балкон.

Немного времени спустя один из больных вернулся к нам и сообщил:

– Сейчас выйдет. Стойте тут, на улице, ждите под балконом.

Больница располагалась в двухэтажном здании (впоследствии его снесли и построили новое).

И вот, наконец, наш кумир вышел на балкон. Одетый в полосатую больничную пижаму, он растерянно смотрел по сторонам: кто это там пришел к нему?..

Бейсакан поднял вверх руку с книгой и потряс ею:

– Сюинши, Муха! Вот, вышла! – От радости и волнения голос его дрогнул, а на глазах проступили слезы.

Ну а образ Мухана в тот миг – по сей день стоит у меня перед глазами: сжав обе ладони, он высоко воздел их над собой и, улыбаясь той самой милой улыбкой, присущей только ему одному, – самыми кончиками губ, воскликнул:

– Спасибо вам обоим! Екеуїңнен де айналайын!

...Передав книгу через дежурного, мы отправились обратно на работу.

«Екеуїңнен де айналайын!». Это «айналайын» было сказано не просто так, всуе. Слова эти были произнесены с искренним чувством, шедшим из великого сердца великого человека. И в первую очередь относились к Бейсембаю Кенжебаеву.

По свидетельству Бейсакана, и тогдашний первый секретарь Центрального Комитета Скворцов, и секретарь ЦК Абдыхалыков были против издания романа «Абай» – как произведения якобы буржуазно-националистического и чуждого социалистическому реализму. Мухан, конечно, был в курсе этого. Главный редактор Кенжебаев, рискуя собственной головой, принял решение любой ценой выпустить в свет книгу, некогда включенную в тематический план. Причем издал ее именно под предлогом выполнения плана, что в то время являлось неукоснительным законом. Но пока книга находилась в производстве, немудрено было, что кто-нибудь настроит жалобу в Центральный Комитет. Потому Бейсакан и наказал мне хранить все в глубокой тайне. Теперь же, когда факт свершился, в ЦК ничего не могли возразить, ведь изначально темплан был утвержден его секретарями собственноручно.

Дальнейшая судьба «Абая» известна всему свету. Мне же хочется рассказать о некоторых коллизиях этой истории.

...Вскоре после выхода книги Бейсакан сказал мне:

– Напиши рецензию на роман. Я договорился с Алимановым Байдебекком из «Социалистік Қазақстан». Книгу он, оказывается, уже прочел. Ждет статью.

Изрядно покорпев (ведь это была первая в моей жизни рецензия), я поспешно Байсакану плоды своих мучений. Помню, как он дал статье название – «Энциклопедия казахской жизни». Забрав мой текст, на следующий день при мне же отдал его, уже порядком почерканный, в набор – на машинку. А через три-четыре дня статья, за подписью двух авторов, вышла в свет. Таким образом, одним из двух литераторов, написавших самую первую рецензию на изумительное произведение гениального писателя и давших ему высокую оценку, был я. И этим заслуженно горжусь. Однако публикация этой статьи не обошлась без печальных последствий. Об этом – позже.

Вскоре ни с того ни с сего меня вызвал к себе глава Союза писателей Сабит Муканов.

– Мы решили отправить тебя в Актюбинск, литсекретарем народного акына Нурпеиса Байганина. Аксакал – твой земляк. Езжай, помоги старцу. За ним надо записывать, переключившись на бумагу. Сам он сейчас в Алма-Ате. ЦК и Совнарком готовят специальное постановление о нем. Через неделю он возвращается в аул. Вместе с вами поедет Абишев Альжаппар, разместит Нурекена в новом доме и – обратно.

...Актюбинск встретил своего акына с ханскими почестями. Городское отделение образования освободило к его приезду шестикомнатный дом, где и поселили старца вместе с женой и маленьким сыном Момынжаном (он родился, когда акыну было восемьдесят лет). Мне отвели отдельную комнату.

Через пару дней я отправился в областную газету «Социалистік жол». Захожу – а там сидит тот самый Байдебек Алиманов, с которым я познакомился в Алма-Ате, в редакции «Социалистік Қазақстан». Мы оба очень обрадовались этой неожиданной встрече. (Впоследствии стали совсем как родные. Мой отец был арестован в 1937 году как «враг народа», и в то время он отбывал десятилетний срок «наказания» в одном из бесчисленных лагерей ГУЛАГа, под Рыбинском, в Ярославской области. В один из дней именно Байдебек Алиманов вместе с Хасеном Наурызбаевым, заместителем редактора облгазеты, повели меня к Кульпар-апа, племяннице отца, жившей в Актюбинске (видимо, это было заранее ими оговорено), чтобы сообщить скорбную весть о гибели моего отца.)

Байдекен, как выяснилось, работал в облгазете ответсекретарем. Меня это ошарашило: такой профессионал, такой блестящий, порядочный журналист – и вдруг в далекой от столицы провинциальной газете? Выходит, и его подвергли гонениям, остракизму? Подгадав момент, осторожно спросил его об этом.

Байдекен был шутник. Вот и в тот раз – улыбка вдруг сошла с его лица, и он нахмурился:

– Да ведь ты – всему виной. – И, увидев, как я опешил, снова от души рассмеялся, а после вздохнул: – Да-да, так и есть, вы с Бейсембаем вдвоем – тому виной. Если бы Ауэзов не написал свой роман, если бы вы не дали ему положительную оценку в своей рецензии, если бы я не опубликовал ее в газете... – перечислил он все предваряющие обстоятельства. – Если бы не все это вместе взятое, разве Абдыхалыков сослал бы меня сюда? Ну да ладно, братишка, и во времена похуже

случались праздники на нашей улице. Не вечно же сидеть им, абдыхалыковым... – И круто переменял тему: – Ну что, принес стихи аксакала?

Кстати, отмечу: впоследствии Байдебек-агай стал известным общественным деятелем. Долгое время, по-моему – в пору освоения целины, работал секретарем Костанайского областного комитета партии. Однако при Брежнев, став негодным, был лишен должности по какой-то надуманной причине.

Ну а наша дружба с Кенжебаевым не прерывалась до самого его ухода из жизни. После моего отъезда в Актюбинск мы, конечно, виделись реже прежнего. Но вернувшись в Алма-Ату, я общался с ним постоянно, и мы вели долгие-долгие беседы. Самая последняя наша встреча с Бейсаканом состоялась за его домашним дастарханом, вместе с писателем Кулбеком Ергобеком. Болезнь к тому времени вконец измучила бедного Бейсембая-ага. И когда я вспоминал прошедшие времена, когда пересказывал, как мы издавали «Абая», как отнесли книгу в больницу, как передали ее бесценному нашему Мухтару-ага – только слезы катились и катились из глаз Бейсакана. Многое, думаю, вспомнилось ему тогда.

Свидетеля печальной, невеселой моей юности, наставившего меня на мой гражданский путь в литературе, опекавшего меня, доброго, славного Бейсембая-ага сегодня нет среди нас. Еще раньше него ушел из жизни и Мухан. И Байдебек Алиманов – тоже. Но светлые их образы буду хранить в памяти, пока живу на этом белом свете.

1992 год

Перевод Гаухар Шангитбаевой

В февралере 2016 года отмечает:

50-летие

Айбатыр СЕЙТАК, поэт

70-летие

Магира КОЖАХМЕТОВА, прозаик

***Редакция журнала «Простор»
сердечно поздравляет юбиляров!***

